

3

Эволюционная природа человека и проблема биологического фундаментализма

Михаил Викторович Лапшин
Независимый исследователь

Знания об эволюционной природе человека, формируемые развитием наук (эволюционная психология, генетика поведения, нейронауки), не без сопротивления интегрируются в сферы социогуманитарных знаний и практик. Этот процесс рассмотрен с точки зрения проблемы биологического фундаментализма. Указанный термин предложен в статье для концептуализации реакции в культуре и науке на нежелательную и неуместную экспансию биологии и ее методологии в другие сферы (политику, право, культуру). В разные эпохи угроза биологического фундаментализма исходила от дарвинизма, социал-дарвинизма и евгеники, генетики, социобиологии, биотехнологий. Соответствующая критика и альтернативные концепции исследуются с точки зрения выделения философских, мировоззренческих и методологических контекстов: проблемы адапционизма и геноцентризма внутри эволюционной теории, вопроса о гуманистическом потенциале современного естествознания, дискредитации генетики в СССР, противостояния сциентизма и антисциентизма, ограниченности натуралистической этики. Проблема биологического фундаментализма как глубинного и стойкого недоверия к естественно-научным методам в познании человека и его души коренится в несоизмеримости разных когнитивных стратегий понимания порядка в природе: трагического и утопического мировоззрений, порядка «снизу» и порядка «сверху». Провозглашение человеческой жизни как территории свободы, ответственности и достоинства в свете современного развития биологии возможно исключительно с учетом (а не вопреки) эволюционной природы человека, ее темных и светлых сторон.

Развитие биоинженерии человека и других биотехнологий в скором будущем приведет к тому, что именно прикладные бионауки станут ключевым источником знаний о человеческой природе. Поэтому интеграция фрагментарных и теоретически разрозненных сведений станет более актуальной. Отсутствие точного знания о природе человека и ее генетических механизмах – актуальная гуманитарная и технологическая проблема.

Эволюция 11 (2021) 63–90

Ключевые слова: биологический фундаментализм, адапционизм, геноцентризм, эволюционная психология, сциентизм, антисциентизм, натуралистическая ошибка, лысенкоизм, генетический детерминизм, эволюционная природа человека.

Введение

В конце XX в. благодаря математизированному инструментарию биологии укрепились позиции эволюционной теории как авангарда естественных наук, и она (теория) может рассматриваться как претендент на роль краеугольного камня современного материалистического мировоззрения. Британский теолог и молекулярный биолог Алистер Макграт утверждает, что из научной теории ее пытаются превратить в философско-методологическую программу, с помощью которой, как предполагается, удастся не только описать, но и объяснить намного больше, чем общие принципы и этапы видообразования, а именно: происхождение человека, природу человека (во всех его аспектах), общество, психологию, ценности, дальнейшую судьбу человечества (McGrath 2010). Зоолог Ричард Докинз и философ Дэниэл Деннетт – важнейшие деятели этого движения – получили прозвища «дарвиновских фундаменталистов». То, что Деннетт в книге «Опасная идея Дарвина» называет «универсальным дарвинизмом», отныне, по его мнению, – универсальная методологическая «кислота», разъедающая ценности и мотивы, которые для многих создают смысл жизни. То, что противоречит дарвинизму (разъедается кислотой), онтологически мнимо или ошибочно.

Эволюционная биология «вторгается» в сферы, которые традиционно образуют автономные, герметичные системы (политика, право, религия, искусство), обладающие своим языком, логикой, рациональностью. «Перекодирование» рациональности автономных систем рациональностью какой-либо одной системы (как якобы более истинной) может быть обозначено как фундаментализм. На слуху религиозный фундаментализм – идея о том, что все сферы жизни имеют религиозное значение. Политический фундаментализм – восприятие реальности, будто все пропитано политикой и все формы поведения человека – политические действия, даже если он этого не понимает¹. Для целей настоящей статьи мы будем использовать термин *биологический фундаментализм* (далее – *БФ*) как обозначение феномена культуры и науки, выражающий реакцию на неуместную экспансию биологии (как правило, в лице эволюционной теории) за пределы своей предметной области (либо опасности такой экспансии).

В 1866 г. тираж книги И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» был арестован, книга запрещена за то, что, по мнению цензора, пропаган-

¹ «Если Вы не интересуетесь политикой, политика заинтересует Вас» (Шарль де Монтань, 1810–1870).

дировала материализм, отвергала свободную волю, противоречила существовавшим уголовно-правовым воззрениям, вела к развращению нравов. В разные времена опасность БФ олицетворяли теория Дарвина, социал-дарвинизм, евгеника, генетика (вейсманизм-морганизм), социобиология, эгоистичные гены Докинза, эволюционная психология, приближающаяся биотехнологическая революция.

В рамках настоящей статьи мы попытаемся выделить в критике БФ теоретические и философские контексты: адапционизм / эволюционный плюрализм, гуманизм / бесчеловечность, сциентизм / антисциентизм, редукционизм / холизм, – проследить в этой дискуссии лейтмотивы и понять, возможно, скрывшиеся за многообразием идей общие черты. При этом мы не считаем, что критика концепций, ассоциируемых с БФ, беспочвенна или что социал-дарвинизм, генетика и эволюционная психология – одно и то же, или они ведут к одному и тому же мировосприятию.

На наш взгляд, тенденция ограничивать эволюционную биологию из опасений, что биологизация может зайти «слишком далеко», частично коренится не в области борьбы свидетельств, теорий и даже философий; она, возможно, имеет глубинную подоснову: в стиле мышления и идеологии, где когнитивные, аффективные функции и мировоззренческие установки взаимно подпитывают друг друга.

Возможно, мы находимся на пороге биотехнологической революции. Если мораль, социальность и познавательные способности человека в существенной степени определяются генами, то в свете приближения биомедицинской практики по редактированию генома человека с совершенно нового угла зрения необходимо рассматривать геноцентризм, генетический детерминизм, многие аспекты нейробиологии. Бурное развитие генной инженерии, как отмечал Ю. Хабермас, таит серьезный гуманитарный риск – что человек научится изменять свои гены, толком не поняв, как именно они работают.

Эволюционная биология и идеология

Взаимное влияние биологии и культуры имеет долгую и непростую историю с трагическими страницами. Если во Франции биологические метафоры использовались философами для оправдания изменения политического строя, в Британии – как источник обоснования натуральной теологии, то в Германии – для построения политического учения по структурированию национальных государств.

Было время, когда эволюционная научная мысль не была отделена от идеологии границами научного метода и научной предметности. По мнению канадского философа науки Майкла Рьюза, додарвиновский эволюционизм сам имел черты философского (квазинаучного) поветрия (Ruse 2010). Эволюционисты начала XIX в. были гуманистами, верящими в социальный прогресс, и потому искали натуралистические аналогии в раз-

витии природы. «Происхождение видов» (1859 г.) и другие труды Ч. Дарвина помогли качественно преобразить эволюционизм и поставили эволюционную теорию на научные рельсы, после чего потребность в философском обосновании эволюционной теории (для научных нужд) отошла на второй план. Эволюция завоевала статус научного факта и перестала играть роль инструмента для обоснования прогрессизма, могла стать независимой от социокультурной конъюнктуры. Могла, но стала не сразу. Вопреки чаяниям Дарвина, эволюционная теория на рубеже XIX–XX вв. обрела скандальную популярность, став чем-то вроде секулярной религии. Его последователи тратили много сил на перепалки с религиозными критиками. Становление менделевской, а позднее и популяционной генетики окончательно открыло эволюционной теории путь respectable научной теории, не привязанной к философской идее прогресса. Теперь ученые изучали смены частот аллелей, а не абстрактное движение природы к совершенству. Один из творцов синтетической теории эволюции Эрнст Майр, будучи редактором журнала «Evolution», запрещал публикацию статей, содержащих натурфилософские вставки. Он «охранял» эволюционную теорию от любых ненаучных смыслов, очевидно, держа в уме, сколько сомнительной славы принесли биологам уклонения в идеологию. Израильский социолог науки Джозеф Бен-Дэвид утверждал, что германская биология (и в меньшей степени химия) XIX в. несколько десятилетий находилась в стагнации из-за бесплодного увлечения ученых натурфилософией (Бен-Дэвид 2014: 49).

Биология на подступах к душе?

Чтобы более предметно обрисовать угрозу БФ на современном этапе, рассмотрим в виде кратких заметок некоторые результаты научных исследований, «оптика» которых нацелена на объяснение внутреннего мира человека и социально значимого поведения: мышление и интеллект, принятие решений, эмоции и темперамент, психическое здоровье и психологический комфорт. Без оглядки на системность, полноту и новизну мы подобрали, как нам кажется, мировоззренчески емкий материал: знание, бросающее вызов автономности человека и подчеркивающее биологическую обусловленность поведения. Предварительно сделаем три замечания:

1. Эволюционная антропология дает понять, что человеческое тело, будучи эффективной машиной для выживания и репродукции, в то же время изобилует неоптимальными компонентами и процессами, являющимися результатом компромиссов и ограничений (Тейлор 2016: 9). Отсюда неизбежные болезни, дискомфорт и неэффективная трата энергии и времени. То же, вероятно, касается и нашего мозга.

2. Геном человека формировался много тысячелетий для обслуживания физиологических и психологических функций, отличных от нынешних. Соответственно, для надежного генетического обеспечения новых

способностей (например, к моральному абстрагированию и рефлексии, любви и привязанности), возникших по эволюционным меркам недавно, эволюции не хватило времени. Поэтому новые функции контролируются областями мозга и нейронными связями, предназначенными для другого. Отсюда связь и конфликт функций разного уровня (см. ниже).

3. По-видимому, *Homo sapiens* – самый неудачный вид для демонстрации масштабов генетического детерминизма. В книге 2011 г. «Природа через научение» («Nature via Nurture») британский историк и популяризатор науки Мэтт Ридли акцентирует внимание на уникальности человеческого мозга, которая заключается в том, что он максимально использует онтогенез, чтобы меньше зависеть от генов и больше – от опыта (Ridley 2011). Для этого эволюция провела грандиозную работу. Человеческий мозг характеризуется транскрипционной неотенией – экспрессия генов, связанных с развитием неокортекса и синаптической пластичностью, происходит таким образом, что онтогенез становится замедленным, и момент прекращения роста мозга отсрочивается (Марков, Наймарк 2019: 233–244). Эта биологическая роскошь имеет подводные камни (см. ниже).

Нейробиология и генетика поведения. Поведение управляется мозгом, а в мозге идут процессы, связанные с активацией и торможением нейронных сетей, производством и движением гормонов и нейромедиаторов, установлением и разрушением синаптических связей. Кажется, что если «спуститься» на уровень нейробиологии и детально изучить мозговые процессы, удастся проникнуть в чувства и мысли человека, предсказать его поведение. На современном этапе об этом речи не идет, однако связь между некоторыми нейробиологическими процессами, генами и поведением в некоторой степени изучена.

– Окситоцин и вазопрессин известны как «гормоны социальности». Так как активность производства этих нейропептидов и их рецепторов обусловлена генетически, у людей с генами, обеспечивающими их повышенный уровень, в среднем более стабильные браки, они более заботливые родители, лучше разбираются в чувствах, взглядах и мотивах других людей, а также лучше умеют распознавать лица (Сапольски 2019: 234).

– Серотонин известен как «гормон счастья». Низкий уровень серотонина вызывает импульсивное антисоциальное поведение. У людей с таким поведением понижен уровень продуктов распада серотонина в крови. Препараты, снижающие уровень серотонина или уменьшающие чувствительность соответствующих рецепторов, усиливают импульсивную агрессию. А те, что повышают «серотониновый фон», производят противоположный эффект. Правда, картину запутали исследования вариантов гена моноаминоксидазы-А (МАО-А), этот фермент разлагает серотонин. Много шума в 1990-е гг. наделали результаты наблюдения за голландской се-

мьей, члены которой имели мутацию в MAO-A, отключающую этот фермент: у них серотонин в мозге не разлагался своевременно, а накапливался в синапсах. Вопреки ожиданиям, вся семья была не дружелюбной и жизнерадостной, а состояла из буянов и антисоциальных личностей. Так выяснилось, что избыток серотонина не приносит радости, а вызывает агрессию. С легкой руки научных журналистов низкоактивный вариант гена MAO-A, предположительно ответственный за агрессивное и антисоциальное поведение, получил звучное имя «ген война» (Сапольски 2019: 228–230).

– «Гормон удовольствия» – нейромедиатор дофамин. Имеется вариант гена DRD4, отвечающий за дофаминовый рецептор с низкой чувствительностью. Носители этого аллеля страдают от нехватки острых ощущений, склонны к рискованному поведению, имеют проблемы с вниманием, у них снижено родительское понимание, они отличаются экстравертностью. Такие люди более склонны к алкоголизму, случайным половым связям и финансовому риску. Люди с подобными качествами вынуждены искать более сильных ощущений, чтобы компенсировать низкий уровень дофамина в системе (Там же: 232).

– Островок (область мозга) отвечает за физиологическое чувство отвращения в ответ на неприятные запахи и вкусы. Он же активируется, когда человек размышляет о морально неприемлемом. Видимо, последняя функция добавилась островку «в нагрузку» несколько тысячелетий назад (когда появился предмет для моральных размышлений). Отвращение защищает нас от патогенов. Моральное отвращение по аналогии призвано защищать от угрозы, только более абстрактной. Согласно исследованиям, у людей эти два чувства находятся в тесном соприкосновении. Люди, склонные твердо придерживаться традиционных моральных норм (консерваторы), имеют пониженный порог чувствительности к телесному отвращению. Эксперименты показали, что, если людей посадить рядом с источником неприятного запаха, их моральные и политические суждения становятся более консервативными и категоричными. Французский психолог Паскаль Буайе, исследуя религиозную этику, отмечает, что множество современных моральных запретов и предписаний имеют источником не нравственность, а уходят корнями в чувство брезгливости и направлены на избегание тех или иных явлений, некогда считавшихся опасными с точки зрения заражения (Буайе 2017).

– В результате анализа ДНК сотен тысяч людей европейского происхождения, проведенного в 2016 г., установлены так называемые «гены образования». Имеются в виду 74 гена, наличие или отсутствие которых на 30–40 % процентов предопределяют длительность времени, которое человек потратит на образование. Эти гены влияют на умственные способности и «открытость новому опыту». (Марков, Наймарк 2019). В ходе по-

следующих исследований (в Исландии и США) подтвердилась гипотеза, что генетический базис склонности к образованию сокращается, то есть «гены образования» отсеиваются отбором: их обладатели позднее заводят первого ребенка и в целом оставляют меньше потомства, чем остальные жители планеты. Согласно мрачным прогнозам, если эта тенденция сохранится, средний уровень IQ населения Земли будет сокращаться на 0,3 балла за десятилетие. Александр Марков и Елена Наймарк, освещая результаты этих исследований, отмечают, что факт существования «генов образования» говорит о том, что даже сложные поведенческие признаки, которые традиционно считаются ненаследственными (приобретенными), в действительности могут иметь наследственную составляющую.

Правосудие и эволюционная природа человека. Знания нейробиологии и генетики о влиянии генов, гормонов, нейромедиаторов и т. п. на поведение в какой-то момент превратились в ходовой товар для адвокатов, выстраивающих линию защиты для своих клиентов. Американский нейроэндокринолог и приматолог Роберт Сапольски в своем фундаментальном обзоре по нейробиологии «Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки» (2017 г.) вспоминает, что под влиянием научно-популярных публикаций о «гене воина» в двух случаях для убийц были уменьшены сроки тюремного заключения, потому что, как было сказано в суде, носители этого гена якобы неизбежно подвержены неконтролируемой агрессии и потому не вполне ответственны за преступления. Как пишет Сапольски, «нейрогенетики-первооткрыватели застыли от ужаса, увидев, что этот ни на чем не основанный генетический детерминизм просочился в залы суда. Ведь на самом деле эффект “гена воина” крошечный» (Сапольски 2019: 231).

В последующие годы усилиями самих ученых миф нейробиологического детерминизма был развенчан. Американский юрист и психолог Стивен Морс убеждает судей, что красочные картинки с результатами нейросканирования не снимают ответственности с преступников: «Мозги не убивают людей. Людей убивают люди». По его мнению, вклад нейробиологии в систему правосудия на данный момент незначителен и не вносит никаких радикальных изменений в наши представления о личной ответственности и дееспособности (Там же: 531). Логика такова: нейробиология предлагает в основном описания и корреляции («область мозга А посылает сигналы в участок Б» или «поведение А характеризуется повышением нейромедиатора Б»). Эти данные не отменяют свободы воли и не снимают с обладателя мозга ответственности за происходящие в нем процессы. Можно описать нейронные процессы в мозге преступника в момент совершения преступления, а можно сказать: преступник совершил преступление. Эти описания не будут противоречить друг другу. Просто преступление будет описано в других терминах. Возможно, нейробиоло-

гия проясняет что-то новое на уровне групповой статистики, но не для конкретных людей.

Канадский сексолог Джеймс Кантор, исследующий педофилию, пишет, что человек в результате черепно-мозговой травмы или гормональных нарушений во время внутриутробного развития может приобрести патологические наклонности. Он будет обречен навсегда оставаться рабом биологической матрицы своей болезни. Но болезнь не снимает с человека ответственности за противоправные поступки. «Человек не может отказаться от своей педофилии, но он в состоянии сделать выбор не быть растлителем детей» (Сапольски 2019: 528).

Здоровье и эволюционная природа человека. Эволюционное прошлое сапиенсов приготовило несколько неприятных сюрпризов современным людям. Многие психические заболевания – не досадные «поломки» мозга или нарушения неврологических процессов, а плата за наше экстраординарное поумнение. К примеру, болезнь Альцгеймера (старческая деменция), по одной из гипотез – результат антагонистической плеiotропии. Этот термин эволюционной биологии служит для обозначения феноменов, когда отбором поддерживаются явно вредные признаки – в силу того, что они являются побочными эффектами полезных признаков. Так, аллель гена может обеспечивать репродуктивный успех в молодом возрасте, но приводить к преждевременной смерти или болезням в пострепродуктивный период. Такие аллели распространятся, потому что их ранние фенотипические эффекты «важнее» для отбора (активнее влияют на итоговую приспособленность), чем поздние («живи сейчас, плати потом»). Болезнь Альцгеймера – нейрогенеративное заболевание, сопровождающееся скоплением в мозге амилоидных бляшек (из продуктов распада белков) и нейрофибриллярных (белковых) клубков. Белки, провоцирующие болезнь в пожилом возрасте, играют важную роль при формировании и защите мозга в период его роста (уничтожение неактивных нейронных сетей, производство нейронов в случае травмы и др.). С учетом того, что рост мозга людей «неестественно» затянут, некоторые мозговые процессы стали чрезвычайно хрупкими. По мнению ряда исследователей, запуск неконтролируемой патологической реакции может быть спровоцирован случайными факторами: периферийной инфекцией, хроническим воспалением, черепно-мозговой травмой, депрессией, сильными переживаниями (Тейлор 2016: 281–330).

Ряд других нарушений вызван тем, что люди живут в экологических, эпидемиологических, гигиенических, бытовых и т. д. условиях, резко отличающихся от образа жизни охотников-собирателей. Согласно теории «старых друзей», наша иммунная система для нормальной работы нуждается в кооперации с микробиотой. Эта схема иммунной регуляции прекрасно работает при наличии в нашем кишечнике богатого ассортимента «дружественных» бактерий, грибов и гельминтов; но как только «старые

друзья» исчезают (вследствие улучшения условий гигиены, лечения антибиотиками), эта схема быстро дает сбой. Наша мощная иммунная система, привыкшая функционировать в присутствии эндопаразитов, выходит из-под контроля и лишается тормозов, вызывая хронические воспалительные процессы, что является причиной сегодняшних «эпидемий» аллергических и аутоиммунных заболеваний. Согласно одной из версий, аутизм (а возможно, и другие психические болезни) – такого рода аутоиммунное заболевание (Тейлор 2016: 23–70).

Изучается связь между психическими расстройствами (в первую очередь хронической депрессией) и нарушениями микрофлоры кишечника. По крайней мере, эксперименты на мышах показали, что обладатели стерильного кишечника имеют повышенный уровень гормонов стресса (кортикостерона и аденокортикостерона), вследствие чего они агрессивны и не устанавливают социальных связей. Введение нужных пробиотиков приводит поведение мышей в норму. Биологический механизм связи бактерий с мозгом состоит в том, что бактерии, видимо, способны воздействовать на блуждающий нерв, соединяющий мозг и брюшную полость. Они манипулируют чувством психологического комфорта, вызывают состояние неудовлетворенности и беспокойства, провоцируя тягу к продуктам, которые дают им конкурентное преимущество в толстой кишке (Там же: 57). Взятие под контроль этих процессов открывает перспективы не только лечения психологических нарушений, но и управления гастрономическими привычками и борьбы с ожирением.

Больше вопросов, чем ответов. Несмотря на рост знаний в области нейробиологии и генетики поведения человека, этим знаниям пока не удается найти сколь-нибудь значимое практическое применение, они не позволяют сделать головокругительные философские заключения. По словам Роберта Сапольски, знание биологических механизмов поведения в бытовом плане практически бесполезно. «Контекст и смысл поступка обычно интереснее и сложнее, чем его механизм» (Сапольски 2019: 345).

Ген DRD4 с высокой надежностью предсказывает у человека склонность к поиску новизны, однако у одних людей эта склонность реализуется в постоянном самообразовании, у других – в криминальном авантюризме.

Не удастся регулировать уровень счастья, радости и удовольствия с помощью искусственного повышения гормонального фона. Проблема в побочных эффектах передозировки. Нейропептиды окситоцин и вазопрессин функционируют правильно (стимулируют просоциальное поведение), если их фон находится в пределах нормы, при этом действуют на тех, кто и без того имел склонность к просоциальному поведению (то есть щедрых делают еще щедрее, но жадных не лечат). Кроме того, известно, что просоциальное поведение, контролируемое этими нейропептидами, распространяется только на «своих». В отношении «чужих» люди под

воздействием этих нейропептидов ведут себя агрессивно. А граница между «своими» и «чужими» в наше время чрезвычайно зыбкая.

На эволюционную психологию возлагались надежды в плане поиска биологических основ моральной интуиции, чтобы доказать, что человек и без религии или других культурных индоктринаций в силу своей природы способен быть нравственным существом. Нидерландский приматолог Франс де Вааль утверждает, что человеческая нравственность старше культурных институтов, древнее всех законов и проповедей (Сапольски 2019: 435). Очевидно, эти надежды оказались преувеличенными. Человек обладает инстинктивными психологическими механизмами, позволяющими отличать справедливость от несправедливости, разоблачать обман и наказывать обманщиков, чувствовать чужую боль, однако эти моральные инстинкты слишком просты и их недостаточно для воспитания порядочных людей и построения общества социальной справедливости. Такие качества, как темперамент и умственные способности, в значительной степени наследуются, однако к нравственности это не относится. Американские специалисты по этому вопросу – нейробиолог Джон Оллман и историк науки Джеймс Вудворд – пришли к выводу, что моральная интуиция не является ни фундаментальной, ни рефлекторной. Она – конечный продукт научения. Чтобы люди могли автоматически и бессознательно принимать этические решения, необходимо много лет совершать эти поступки с участием сознания и с оглядкой на традицию и авторитеты. Наше неприятие рабства, дискриминации, военных преступлений, жестокого обращения с животными – культурный продукт недавнего прошлого. Было время, когда добропорядочные граждане не видели в этом ничего плохого (Там же: 452).

БФ как мировоззренческая антиутопия

Особый иммунитет против «биологизации» наблюдается в этически и идейно окрашенных сферах политики, культуры, религии и права. Именно здесь нормы, идеалы и ценности имеют наибольший вес, если достигнуты коммуникативным, а не манипулятивным (инструментальным) путем. Именно во взглядах на справедливость, правосудие, лучшее социальное устройство, роль и место человека на пути к их достижению отражена, как в зеркале, личность человека. Попытки их (взгляды) оспорить, поставить под сомнение их бытийный и эпистемологический статус воспринимаются не как научная дискуссия, а как «переход на личности».

С антропологической точки зрения, БФ таит угрозу того, что наука якобы докажет, что человек – биоробот, лишенный свободы воли, морали, достоинства, что вся наша жизнь – реализация биохимических алгоритмов. Генотип человека сформирован для выживания охотников-собирателей в саванне. Если гены составляют сущность человеческой природы, тогда все наше поведение – средство для решения утилитарных (читай –

приземленных) задач – выжить и оставить потомство. Значит, и мы обречены воспроизводить поведенческие шаблоны, переживать эмоции и продумывать мысли, которые принципиально не отличаются от тех, что были свойственны нашим первобытным предкам. Люди – марионетки генов и инстинктов.

Философ Михаил Эпштейн в книге «Религия после атеизма» (1993 г.) формулирует угрозы БФ следующим образом: «...если Докинз “научно” выводит из эгоистичного гена все свойства человеческой нравственности, то не потому ли, что он заведомо вводит нравственные понятия в само определение гена, то есть под маской науки действует как мифотворец? <...> Отлично, значит, в основе нравственного поведения лежит элементарный эгоизм генов, жаждущих размножения. Мораль – это своего рода иллюзия, посредством которой они достигают своих биологических целей. Но что, если организмы, достигнув высокой стадии развития и осознав (в лице таких ученых, как Докинз), что они лишь инструменты эгоистической стратегии генов, сами пожелают перенять эту стратегию? Если они решат отвергнуть иллюзию нравственности и подчинить все свое поведение той же простой цели “самовоспроизводства”, которую ставят перед собой гены?». «Неужели Докинз не понимает, в какой страшный тоталитарный тупик он загоняет человечество, объявляя Эгоистичный Ген и Дарвиновскую Эволюцию высшими судьями и учителями морали?» (Эпштейн 2013: 300).

Возможно, антигуманистический потенциал БФ – одна из причин того, что симпатии и интерес вызывают как альтернативы дарвинизму (пан-селекционизму) внутри науки, так и разоблачения и ажиотажный поиск нестыковок в эволюционной теории. В результате мы констатируем существование своего рода «гонки вооружений»: чем больше знаний о биологии поведения человека предоставляет наука, тем больше защитных приемов изобретается, чтобы их разоблачить, дискредитировать, игнорировать. Например, Р. Докинз в 2008 г. с растерянностью обнаружил, что, согласно социологическим исследованиям, лишь 14 % жителей США верили в естественное происхождение человека от обезьяны, без вмешательства сверхъестественных сил или инопланетян (Dawkins 2010).

Проблема адапционизма в философии науки

Рост влияния эволюционной теории в последние десятилетия неразрывно связан с эффективностью математизированного методологического инструментария биологии, базирующегося на двух редуccionистских принципах: адапционизме и геноцентризме.

Адапционизм – тезис об исключительной эволюционной роли адаптаций и естественного отбора. Геноцентризм – идея об исключительной роли генов в наследственности, онтогенезе и эволюции.

К слову, Р. Докинз отрицает неременную связь между адапцио-

низмом и геноцентризмом. Однако именно редукция (сведение) всех форм существования биологических объектов (включая самые сложные и изолированные, такие как внутренний мир человека) к адаптациям – проблемное поле философской интеграции антропогенеза в современное гуманитарное знание. Есть опасение, что именно адапционизм – мина замедленного действия, заложенная под гуманистический потенциал биологизированных наук о человеке.

Под адапционизмом понимают не только эмпирическое содержание эволюционизма, но и методологический (эвристический) принцип, предписывающий объяснять любой признак как адаптацию, даже если его адаптивная польза неизвестна (не очевидна).

Научная логика адапционизма такова: организм состоит из признаков – признаки суть адаптации – признаки контролируются генами – естественный отбор влияет на передачу генов. Значит, организмы состоят из признаков, отобранных в ходе эволюции как оптимальные адаптации. Адапционистская программа = атомизация организма на признаки + объяснение признаков через оптимизацию под действием отбора.

Также адапционизм неявно поддерживает следующие методологические принципы в рамках эволюционной теории: конструктивный оптимизм (все признаки могут модифицироваться под действием отбора) и эпистемологический оптимизм (нашего когнитивного и научного инструментария достаточно, чтобы реконструировать эволюцию) (Кузин 2016).

В знаменитой статье палеонтолога Стивена Дж. Гулда и генетика Ричарда Левонтина «Пазухи свода собора Святого Марка и парадигма Панглосса» (1979 г.) обозначены основные претензии «плюралистов» к адапционистской программе: преувеличение роли отбора, заикленность на адапционистских гипотезах в отношении любых признаков, даже если они (гипотезы) не соответствуют критериям научности, умаление других эволюционных сценариев, неспособность различать непосредственную полезность и причины ее возникновения.

Множество признаков организмов являются экзоптациями (например, крыло пингвина) или побочными эффектами других адаптаций, которые впоследствии могут найти функциональное применение (например, форма раковин некоторых моллюсков). Такие признаки названы в статье «пазухами сводов»² (биологический жаргонизм «спандрелы»)³. «Спандрелы» не подвержены естественному отбору непосредственно.

² Архитектурный термин, обобщенно обозначающий элементы, возникающие как неизбежные побочные эффекты конструктивных решений и которые используются в силу их неустраняемости для других целей, например нанесения декоративных изображений. В других переводах можно встретить такие термины, как антревольты, пандативы и паруса.

³ *Spandrel* (англ.) – пазуха свода.

Соответственно, в случае экзапаций и «спандрелов» эволюционист может попасть в адапционистскую ловушку, так как адаптивный характер признака, наличествующий сейчас, часто ничего не говорит о причинах эволюции этого признака. Игнорирование альтернативных сценариев может привести к иллюзии, будто нос и уши адаптированы для ношения очков (Гулд, Левонтин 2014).

С. Дж. Гулд и Р. Левонтин вменяют адапционизму в вину непонимание того, что организмы фундаментально неразложимы на автономные и по отдельности оптимизируемые части. Отбор, как правило, затрагивает поверхностные особенности организма, а не план строения, который крайне консервативен и на изменчивость которого наложены существенные ограничения. Зачастую эти ограничения диктуют пути эволюции.

Методологическая опасность увлечения адапционизмом – создание сомнительных эволюционных гипотез, основное достоинство которых заключается в правдоподобии и согласованности с теорией естественного отбора. Если одна адапционистская гипотеза опровергается, на ее место подбирается новая. Любые альтернативные гипотезы рассматриваются как научно нереспектабельные.

В более поздних работах С. Дж. Гулд отстаивал мысль, что человеческая ментальность, возможно, эволюционировала как «спандрел», то есть она не является жестко адаптированным устройством для решения утилитарных задач. Также он выступал с критикой социобиологии с ее биологическим детерминизмом. Его книга «Камни веков» (1999 г.) посвящена защите религии от нападок науки. Религия и наука, считает Гулд, являются «непересекающимися магистериями» (NOMA – Non-Overlapping Magisteria), то есть они занимают разные интеллектуальные ниши: наука занимается эмпирикой (фактами и теориями), а религия – духовными ценностями и поисками смыслов. Полемика Гулда и Докинза вдохновила сторонников теории «разумного замысла» (Intelligent Design) и других антидарвинистов, дав аргументы в пользу того, что у эволюционной теории проблемы (дарвинисты опровергают друг друга, дарвинизм разваливается изнутри).

По мнению ряда исследователей, изучение когнитивных способностей человека неоправданно сконцентрировано в русле адапционизма и практически не обращается к концепции «спандрелов». Как предполагается, в качестве «спандрела» могла развиваться моральная интуиция (как неадаптивное следствие адаптивного интеллекта, в частности, способности к рефлексии) (Кузин 2016: 79). Ноам Хомский выдвинул гипотезу о том, что человеческий язык или некоторые его компоненты эволюционировали как побочный эффект других когнитивных функций (Там же).

Может показаться, что только подрыв позиций адапционизма и геноцентризма «снимет проклятие» биологического редукционизма, реабилитирует

литерирует духовный мир человека как территорию свободы, ответственности и достоинства. Так ли это, покажет будущее.

БФ как «антигуманизм»: евгеника

Евгенический проект конца XIX – начала XX в. является одиозным случаем вмешательства биологической мысли в политику, законотворчество, мораль, представления о развитии и прогрессе.

Британский географ Фрэнсис Гальтон (1822–1911), заинтересовавшись вопросами наследственности, пришел к выводу, что положительные и отрицательные качества людей наследуются из поколения в поколение и практически не исправляются воспитанием. Соответственно, человеческая природа подчиняется тем же законам, что и природа животных и растений, которых человек научился улучшать с помощью искусственного отбора. По его мнению, следовало использовать знания эволюционной теории и животноводства для улучшения человеческой природы – способствовать тому, чтобы обладатели лучших качеств оставляли больше потомства. Справедливости ради следует помнить, что именно идея управления эволюцией человечества вдохновляла многих ученых изучать наследственные механизмы, то есть заниматься генетикой. Мечтой Гальтона было выведение расы людей, сочетающих лучшие ментальные, моральные и физические качества. В этом он видел предназначение прогрессивного общества, опирающегося на авторитет науки.

Практически все крупнейшие эволюционисты конца XIX в. – зоолог Август Вейсман (Германия), математик Карл Пирсон, морфолог Уильям Бэтсон (оба – Великобритания), ботаник Хуго де Фриз (Нидерланды), биолог Томас Морган (США) – были сторонниками евгеники, несмотря на разногласия по вопросам эволюционной теории. Это значительно укрепляло научную респектабельность евгеники в Европе и США (Larson 2010: 169).

Со временем при переходе от теории к практике интерес евгеники сместился с трудной для реализации идеи улучшения человека (позитивной евгеники) к более простой негативной евгенике – «защите» будущих поколений от наследственности ныне живущих обладателей плохих качеств – в первую очередь слабоумных, душевнобольных и патологических преступников.

Развитие генетики вытеснило ламаркизм на обочину биологии, а вместе с ним и надежду на то, что наследственность обладателей плохих качеств может быть «исправлена» при жизни. От программы по «улучшению» к программе лишения «дегенератов» права на оставление потомства необходимо было сделать небольшой логический шаг, и он был сделан на рубеже XIX–XX вв. Идеи евгеники отражались в образовательных программах, под них принимались соответствующие законы и медицинские инструкции, на реализацию программ выделялись государственные сред-

ства. Многие ведущие политики были убеждены в благотворности евгеники.

Прежде чем евгеника была дискредитирована, а ее практики запрещены, в США принудительной стерилизации подверглись более 60 000 человек. При этом ведущую роль в борьбе с генетикой сыграли не ученые, а католическая церковь⁴ и правозащитные организации.

В нацистской Германии евгеническая мысль дошла до преступной практики истребления людей, причем не только душевнобольных и инвалидов, но и по национальному и расовому признаку. Соответственно, во многом «благодаря» нацистам евгеника приобрела статус онаученного антигуманизма.

После войны евгеника ушла в тень, давая о себе знать в виде программ по планированию семьи в странах третьего мира, миграционных политик некоторых стран (воспрепятствование въезду в страну представителей определенных рас), биомедицинских практик по оценке и отбору эмбрионов, зачатых ЭКО, ксенотрансплантации (пересадка людям тканей и органов других видов).

Нацизм с его наукообразной политической доктриной и преступными социал-дарвинистскими практиками стал настолько ярким примером кощунственного злоупотребления естествознанием, что на многие годы послужил своего рода прививкой от антропологических концепций, апеллирующих к природе.

При этом убедительно доказано, что гитлеровская антропология не являлась научным ответвлением дарвинизма: идеи биологической пользы расовой чистоты и превосходства отдельных рас не имели ничего общего с трудами Дарвина, кроме того, они противоречили научно-теоретической повестке науки того времени (говоря современным языком, даже по стандартам 1930-х гг. это была лженаука). Тем не менее сам ход мысли, что наследственность (биология) определяет духовные качества людей (интеллект, мораль, трудолюбие), оказался под подозрением (Weindling 2010: 204).

БФ как искажение природы человека

В послевоенное время мыслителями от науки и политики была проделана большая работа по созданию концепции человека как сугубо социального существа. Психологи (Э. Фромм, К. Хорни, А. Маслоу, бихевиористы) строили теории, согласно которым любой человек при нужном воспитании, в справедливо устроенном и культурно развитом обществе сможет обрести внутреннюю гармонию и душевное здоровье. Социальные науки XX в., находящиеся под сильным влиянием марксизма, в системе «человек – социум» отводили ведущую роль социуму.

---

⁴ В католических странах евгеника практически не получила распространения.

Социобиология в 1960–1970-е гг. (К. Лоренц, Р. Докинз, Э. Уилсон) унаследовала от евгеники ореол БФ. Предполагалось, что если люди агрессивны и эгоистичны от природы, то вечные войны и преступления неизбежны и оправданны, а ответственность за конкретные преступления можно будет «списать» на гены. Социобиология была раскритикована даже внутри биологии человека. Биологизаторство, редукционизм, детерминизм стали использоваться как маркеры методологической ущербности. С другой стороны, социобиология вдохновила многих антропологов и философов (в том числе в СССР, где генетика переживала подъем после лысенкоизма): она отличалась от евгеники тем, что искала биологические основы этически привлекательных черт (Кузин 2016: 81).

Эволюционная психология и эволюционная антропология, продолжившие дело социобиологии, также опираются на адапционизм. Собственно, эволюционная психология – изучение адаптивного значения поведения человека. Несмотря на то, что многие недостатки социобиологии были учтены и исправлены⁵, именно адапционистская ориентированность этих научных направлений – основная цель критических стрел в их адрес. Теоретико-методологическая уязвимость эволюционной психологии понятна. По сути, всем эмоциям, психическим способностям и предрасположенностям современного человека предполагается найти функциональные аналоги в голове древнего охотника-собирателя. Вопрос: почему современные люди так умны, любознательны и так утонченно душевны? Ответ: потому что древние люди могли хитрить в борьбе за социальный статус и манипулировать половыми партнерами. Такой ответ может показаться недостаточно убедительным не только по идейным соображениям.

Канадский психолог Стивен Пинкер исследует историю теории «чистого листа» – антропологической концепции, согласно которой люди рождаются с примерно одинаковыми способностями независимо от расы, пола и наследственности родителей. Теория «чистого листа» дополняется теорией «добротного дикаря», согласно которой люди рождаются добрыми, и только культура может их испортить, сделать из них безжалостных и алчных агрессоров и эксплуататоров (Pinker 2003).

Эти теории продолжают пользоваться влиянием. В 2000 г. биолог Р. Торнхилл и антрополог К. Палмер опубликовали результаты исследования причин изнасилований, проведенного для поиска путей борьбы с этим явлением. Склонность к изнасилованиям – распространенная репродуктивная стратегия у многих животных. Согласно их гипотезе, в древности у людей она также, наряду с другими формами полового поведения, была эволюционно выигрышным фактором и потому поддерживалась естественным отбором. Торнхилл и Палмер были обвинены возмущенной

⁵ Например, уклон социобиологии в сторону исследования поведения в ущерб психике отсутствует в эволюционной психологии.

публикой (в том числе академической) в пропаганде снисходительного отношения к насильникам (Pinker 2003: 161–176).

В те же годы антрополог Н. Шаньон, исследовавший племена индейцев Венесуэлы (яномамо), был подвергнут жесткой критике за изучение влияния агрессивности на социальный и репродуктивный успех мужчин. Результаты его наблюдений показали, что племена ведут между собой постоянные войны, между мужчинами часто происходят кровопролитные поединки, при этом наиболее успешные воины имеют больше жен и детей. Соответственно, гены воинственности в догосударственных обществах (а значит, и у наших предков) должны поддерживаться отбором. Это противоречило духу этнологической парадигмы, согласно которой первобытные племена миролюбивы и заботятся об окружающей среде. Результаты исследований Шаньона якобы можно было оправдывать насильственные и военные преступления.

В истории отечественной науки мы имеем яркий пример того, как была объявлена вне закона биологическая концепция (генетика, «вейсманнизм») как якобы человеконенавистническое учение. В последние десятилетия лысенкоизм упоминается либо в насмешливом ключе, либо для выражения досады от ущерба, нанесенного советской науке. Мы предлагаем сместить внимание на идеологический и эпистемологический ракурс: как политическая рациональность проникла в сферу науки и деформировала мышление ученых.

Лысенкоизм (мичуринская агробиология) – система идей агронома Трофима Лысенко и философа Исая Презента, в которой важная роль отводилась изменчивости, приспособляемости организмов под влиянием среды. Предполагалось, что благодаря этой безграничной пластичности можно добиваться быстрого выведения новых сортов и пород с нужными качествами путем управления параметрами среды («воспитанием»). Отвергались любые исследования в сельском хозяйстве и биологии, опирающиеся на хромосомную теорию наследственности (буржуазной генетики) и игнорирующие постулаты «мичуринского» учения. На одном из этапов своего существования лысенкоизм пытался разоблачить дарвинизм (отводящий ключевую роль в эволюции естественному отбору).

В статье «О значении воинствующего материализма» (1922 г.) В. И. Ленин предписывал подвергать все научные теории проверке на соответствие марксизму. Философская «проработка» научных трудов с начала 1920-х гг. была составной частью администрирования научной деятельности (Колчинский 1999: 15–18). Соответственно, к моменту расцвета мичуринцев (конец 30-х) уже было традицией, что философия и политэкономика использовались как средства для обоснования биологических теорий, а для доказательства философской неприемлемости идей оппонентов шел в ход разбор их научных взглядов. В частности, в 20-е гг. механоламар-

клизм (идейный предтеча лысенкоизма) был теоретически «раздавлен» «генетиками» в том числе с помощью критики с философских позиций.

Оставляя в стороне многие натурфилософские положения лысенкоизма, остановимся на тех моментах (в систематизированном нами виде), которые имеют отношение к знанию о человеке и где прослеживаются наиболее острые противоречия с генетикой и дарвинизмом:

- Если наследственность человека predeterminedена от рождения (хромосомная теория) и люди рождаются с разными способностями, то общество будет расколото на генетически более и менее совершенных. В атмосфере такого понимания человека воцарится генетический фатализм, для улучшения человеческой природы понадобится евгеника с ее негуманными методами. Вообще представление о незначительном влиянии наследственности (особенно на личностные характеристики) отвечало идеалам скорого преобразования общества, воспитания человека новой формации.

- Теория о ненаследуемости приобретенных признаков мешает бороться с пороками общества. Как считалось, капиталисты наживались на эксплуатации трудящихся на вредных производствах и вредных привычках (курение, алкоголь, наркотики). Если вред, нанесенный этими факторами, не передается через гены потомкам, то часть вины с эксплуататоров снимается: ведь они отравили только тех, кого эксплуатировали, а не их детей и внуков (Шаталкин 2016: 403).

- Дарвинизм основывается на концепции внутривидовой конкуренции. Эта доктрина используется в западных странах для оправдания бедности и других форм социально-политической несправедливости. На самом деле существует лишь конкуренция между видами; растения и животные одного вида мирно сосуществуют и даже готовы к альтруистическому самопожертвованию в интересах вида (заяц зайца не ест) (Медведев 1993: 294).

По нашему мнению, для понимания «неуязвимости» критики лысенкоизма в адрес биологов важно учесть следующее. В книге «Моральное измерение науки и техники» итальянский философ Эвандро Агацци напоминает, что наука и технология – хоть и схожие по духу, однако методологически разные явления, подчиняющиеся своим особым принципам развития. Наука и технология могут стать материалом для идеологий, а именно сциентизма и техницизма. Но как наука не сводится к технологии (и наоборот), так и сциентизм не сводится к техницизму. Идеология, по Агацци, это мировоззренческая, экзистенциальная конструкция, которая обеспечивает «основополагающие достоверности» относительно смысла человеческой жизни, общества, цивилизации, истории и мира, что позволяет человеку сознательно действовать в настоящий момент, не задумываясь о смысле, уместности и даже законности каждого отдельного действия и не боясь за его обоснование (Агацци 1998: 72). Агацци утвер-

ждает, что сциентизм и техницизм – шаткие идеологии, так как ни наука, ни технологии не могут вместо самого человека сделать ценностный выбор этих самых «основополагающих достоверностей».

Итак, вспомним, что Т. Д. Лысенко был прежде всего агрономом, то есть технологом, практиком. Он сам часто подчеркивал, что агробиология отличается от кабинетной ботаники своей ориентацией на достижение практических целей. И. Презент, правая рука Лысенко, был философом. Соответственно, продукт их труда – лысенкоизм – целесообразно рассматривать не как научную, а как философско-технологическую концепцию. Лысенкоизм давал ответы не на научные вопросы, а объяснял, как добиться того или иного практического решения (агроприемы), а все, что этому мешало, рассматривалось либо как менее эффективное, оторванное от практики, либо как философски или политически неприемлемое. Таким образом, антигуманистический потенциал генетики «доказывался» путем комбинирования научной рациональности с политической, хозяйственно-практической и идеологической. Для чиновников это было более убедительно, чем «тычинки и пестики».

С этой точки зрения становится понятным, почему, читая дискуссии между мичуринцами и «генетиками», возникает ощущение, что они разговаривают на разных языках. «Генетики» доказывали свою правоту в рамках научной традиции, а их доводы критиковались то за несоответствие интересам практики, то за философскую (идеологическую) чуждость.

БФ как воинствующий сциентизм

В ходе баталий сциентистов и антисциентистов наука была обвинена в попытке узурпации роли института, помогающего людям обрести смысл жизни после того, как религия отошла на второй план.

Британский философ Мэри Миджли связывает триумф сциентизма с появлением молекулярной биологии (после открытия структуры ДНК в 1953 г.): границы физики и биологии соприкоснулись, естествоиспытатели ощутили «когнитивное всемогущество». У «физиков» был дополнительный повод для радости: оказалось, что их методы начали успешно применяться на ранее непокорной территории наук о жизни. Некоторые ученые почувствовали себя миссионерами, призванными нести «свет» естественно-научной методологии во все сферы интеллектуальной жизни общества (Midgley 2002: 56).

Убедительность эволюционизма обусловлена его символическим потенциалом. Эволюционная теория, особенно раздел о происхождении человека от обезьяноподобного предка, неизбежно будет играть роль мифа. Собственно, эволюционизм и есть современный миф о творении: это знание о том, откуда мы взялись, и источник познания человеком самого себя.

Символизация, драматизация научного текста, с точки зрения М. Миджли, не является недостатком или проблемой. Это нормальное явление,

так как любая научная деятельность стратегически направлена на построение картины мира: гармоничной («элегантной») теоретической системы, и эта направленность определяет тактику научного поиска, играя роль метафизического императива (Midgley 2002: 120).

М. Миджли видит порочность сциентизма в том, что драматизм может влиять на научную часть дискурса («драма берет верх над наукой»). Ученые, решая осветить научные достижения в текстах на доступном для неученых языке, между делом принимают на себя роли пророков: размышляют о гуманитарных перспективах обретения людьми бессмертия, судьбе человечества и смысле жизни. Вопрос: как нужно воспринимать философские (этические, политические, правозащитные) идеи ученых, публикуемые на страницах научно-популярных книг, то есть от имени науки (как правило, естествознания) и с апелляцией к научной респектабельности? По ее мнению, вступая на тропу «пророков», ученые играют на «чужом поле»: здесь они оставляют в стороне научную методологию и предлагают читателям свои этические суждения, поэтизированные картины природы, символические конструкции. Такой текст поневоле начинает подчиняться логике образов, а не принципам научности.

Миджли убеждена, что ученые не имеют права рассматривать любую проблему как научную и выступать в качестве экспертов по любому вопросу. Там, где ученый переходит от изложения научных достижений к образности и идеологической драматизации, он перестает быть ученым, и его идеи следует воспринимать наравне с идеями дилетанта, без оглядки на его научный авторитет.

Книга Р. Докинза «Эгоистичный ген», по ее мнению, содержит манипуляции: «эгоистичность» генов по ходу повествования якобы переносится на организмы, а потом и на людей. «Давайте попробуем учиться щедрости и альтруизму, ибо мы рождаемся эгоистами» (Докинз 2013: 28). Несмотря на то, что у Докинза звучат призывы сопротивляться генетически обусловленным порокам, человек в этой модели смотрится беспомощно и безнадежно (Midgley 2002: 146).

Миджли против любых форм эволюционного фатализма: эгоистичного гена, глобального эволюционизма, диалектического материализма, — как полурелигиозных идеологий. Сциентизм в виде эволюционизма частично снимает ответственность с человека за судьбу человечества и Земли, а также принижает важность тех сфер, которые не имеют эволюционного или прогрессистского измерения: жизни и благополучия отдельных людей, семьи и быта, радости творчества и др.

Трагическое и утопическое мировоззрения

Американский экономист Томас Соуэлл в книге «Конфликт мировоззрений» («A Conflict of Visions», 1987 г.) предложил гипотезу, объясняющую, почему взгляды людей в области политики, экономики, биологии, соци-

альных наук почти всегда тесно связаны между собой. Есть два мировоззрения (visions), то есть познавательные стратегии для понимания сущности человека: свободное видение (unconstrained vision) и ограниченное видение (constrained vision). Стивен Пинкер предлагает философски более емкие названия – трагическое и утопическое видения (Pinker 2003: 287).

Утопическое (свободное) видение предполагает, что люди от природы «хорошие», природа человека пластична, поэтому возможно построение оптимально справедливого общества, в котором не будет необходимости в компромиссах (социальное неравенство, государственное насилие). Зло (недостатки, «грехи»), присущее людям и обществам, имеет своей причиной неправильное социальное устройство или воспитание и потому может быть в будущем устранено. Наиболее эффективное управление обществом может быть достигнуто, если доверить власть наиболее компетентным и нравственным людям.

Согласно трагическому видению, люди в силу наличия врожденных инстинктов движимы в первую очередь эгоистичными (родственными) интересами и беспокойством за свое благополучие. При отсутствии контроля и внешней мотивации мы склонны к злоупотреблениям властью (доверием) и социальной лени, поэтому политическое устройство должно включать болезненную систему самоочищения, сдержек и противовесов. Наиболее эффективное управление строится за счет того, что принятие решений распределено между многими членами, пусть не самыми влиятельными и компетентными, но отстаивающими свои интересы «на местах». В силу того, что природа человека малоизменчива и несовершенна, государство будет обречено на вечную борьбу с пороками общества, неравенством и т. д.

С. Пинкер перемещает идею Т. Суэлла о двух мировоззрениях в контекст эволюционной антропологии и рецепции новых открытий и идей с точки зрения политики, морали и права (Pinker 2003: 287–305). В приложении к биологии трагическое видение скорее возникнет, если изучать природу, зная о том, что в ней правят бал дарвиновский естественный отбор, эгоистичные гены, то есть факторы, упорядочивающие жизнь «снизу вверх». Утопическое видение будет снижать их роль в природе, искать альтернативы в виде законов и принципов, обеспечивающих порядок и развитие «в целом», сверху вниз.

Эволюционная биология против натуралистических ошибок

Защищаясь от критики, Р. Докинз признает, что наука не обходится без поэзии. Благоговение перед миром, который благодаря науке становится менее таинственным, но от этого еще более увлекательным, следует ассоциировать именно с поэзией, а не с религией или идеологией. Часть научных идей поневоле превращаются в метафоры, что может способствовать

их популяризации и большей понятности. Вообще, чем больше люди узнают о природе с помощью науки, тем больше у них материала для построения ярких образов и метафор. Наука делает мир красивее и интереснее. Драматизация – изложение научного материала в форме художественного нарратива – неизбежна.

Однако здесь может таиться опасность – неумелые метафоры («плохая поэзия») не способствуют объяснению идей, а, скорее, дезинформируют и ведут по ложному пути образности. Логика образа может уводить в сторону от реального положения дел.

Например, относительно теории Геи – нашей планеты как единого живого организма, где все части служат для поддержания гармонии и баланса, помогая друг другу, Докинз отмечает, что здесь поменяны местами причины и следствия. Совершенно ошибочно звучит утверждение, будто бактерии вырабатывают метан, чтобы вносить свою лепту в регуляцию химизма атмосферы, не получая от этого никакой прямой выгоды. Такая теория приписывает бактериям качества, которые невозможны с точки зрения биологии. Как говорится, никто не может быть лучше, чем то, что подготовлено естественным отбором. А он (отбор), как гласит теория, слеп к долгосрочным перспективам и не допускает «бесплатного» альтруизма (Докинз 2010).

Р. Докинз в более поздних работах отдельно объясняет, что с помощью теории эгоистичных генов он описывал исключительно положение дел в природе. «Оставаясь сторонником дарвинизма как ученый, я страстный антидарвинист в том, что касается политики и устройства наших человеческих дел» (Там же: 24–25). Природа – место, где что-то доброе, справедливое, достойное подражания если и возникнет, то только случайно, по тем же основаниям, что и что-то злое и жестокое. Поэтому человек – единственный источник всего правильного и должного с человеческой точки зрения. Докинз: «Мы видим почти полную противоположность строкам епископа Хебера: “И все в природе мило, / И только люди злы”. Да, люди тоже бывают злыми, но мы – единственный остров, на котором можно укрыться от зла, сулимого “капелланом дьявола”: от жестокости и от топорной, неуклюжей расточительности природы» (Там же: 25).

Таким образом, естествознание (в лице Докинза) парадоксальным образом признает, что человек не исчерпывается природным. Он (человек) почему-то не желает слепо подчиняться генам. И даже если биологическое (природное) и социальное (неприродное) соединены в нем в одно онтологическое целое, то сфера сущего и сфера должного остаются несоизмеримыми.

Попытка их соединить приводит к ошибкам двух типов – натуралистической и моралистической. Первая заключается в апелляции к природе при обосновании этических суждений: «что естественно, то и правильно».

Во второй положительные качества человека приписывают природе: «раз добрым быть хорошо, значит, добро характерно для природы».

Отвергнутый ныне социальный дарвинизм (предтеча евгеники) строился на логике натуралистической ошибки: природа (эволюция) подскажет нам, что хорошо, что плохо. «Эволюционно успешный» значит «правильный». Правда, в ранних версиях социал-дарвинизма (Г. Спенсер) были перепутаны социальный успех (богатство, власть и статус) с эволюционным успехом, то есть количеством жизнеспособных потомков.

С. Пинкер полагает, что разоблачаемые им утопические концепции «чистого листа», «добраго дикаря» – следствия натуралистической и моралистической ошибок – в них связали воедино моральные и научные доктрины, вместо того чтобы их разделить. Хорошие качества человека были объявлены естественными, и наоборот. Соответственно, когда естественно-научный базис антропологии изменился, «утописты» оказались в собственной ловушке. Если склонности к насилию, дискриминации, мошенничеству, оказывается, имеют генетическую основу, значит, они не так уж аморальны (Pinker 2003: 150)?

Правильным решением было бы объявить пороки нравственно отвратительными независимо от того, имеют они генетическое основание или нет. Этические вопросы следует рассматривать на поле этики, без попыток подвести под них «природную базу». Пинкер показывает, что и без обращения к теории натуралистической (или другой внечеловеческой) морали можно обосновать отвратительность дискриминации, несмотря на то, что люди от рождения разные. Можно доказать, что насилие и эксплуатация – зло, хотя люди склонны к ним по своей природе. Идея личной ответственности не становится фикцией от того, что за принятие решений и поступки отвечает детерминистически работающий мозг (*Ibid.*: 162).

Пинкер (и его доводы нам кажутся вполне убедительными) полагает, что развитие естественно-научного знания льет воду на мельницу трагического видения, которое является своего рода мировоззренческой и онтологической матрицей этики и политики будущего.

Биотехнологический императив

Выше мы упоминали, что эволюционная биология прошла болезненный путь «очищения» от политики и идеологии. С другой стороны, системы политики и права, а также гуманитарные науки сопротивляются наступлению биологического фундаментализма. Однако вся эта борьба может еще более обостриться с развитием биомедицинской практики редактирования генома человека. Биотехнологии – сфера практики, где биология, политика, юриспруденция, этика и философия сплетены в один клубок и где интересы практики (бизнеса) не позволят десятилетиями вести дискуссии о гуманности или негуманности тех или иных идей.

Одной из ошибок евгеники было предположение о существовании «хороших» и «плохих» генов. По нашей информации, таких генов до сих пор обнаружено не было. Видимо, есть нормальные гены, а есть «сломанные». Дело медицины – заменить «сломанные» на нормальные. Это, вероятно, позволит предотвращать (лечить) наследственные болезни, настраивать иммунную систему и т. п. Но мы понимаем, что наука и бизнес нацелились на создание «улучшенных» генов. А значит, и «улучшенных» людей.

В известном исследовании американских ученых удалось, манипулируя восприимчивостью мозговых рецепторов мышей к окситоцину и вазопрессину, сделать полигамных самцов горных полевок моногамными. С осторожностью можно предположить, что нечто подобное теоретически может происходить и с людьми. То есть при корректировке генов или их экспрессии могут быть затронуты черты, формирующие природу человека. Готовы ли мы к этому?

Израильский историк Юваль Харари прогнозирует, что человечество (точнее, элиты, распоряжающиеся научными ресурсами) в ближайшие десятилетия будет готово потратить любые средства для увеличения продолжительности жизни, расширения человеческих возможностей (ментальных, физических), обеспечения психоэмоционального комфорта («бессмертие – божественность – блаженство») (Харари 2018: 7–82). Развитие бионаук выпустило этих трех джиннов, которые станут мировоззренческой константой развития не только биотехнологий, но и, возможно, естествознания в целом.

При этом биотехнологии или исследования, связанные с их поддержкой, скоро станут основным источником знаний о человеке. В XX в. наука оттеснила религию в претензиях на объективную истину. Однако в XXI в. фундаментальная наука теряет позиции перед прикладной. Это отражается и на распределении ресурсов, и на престиже научных дисциплин (Пружинин 2009).

Прикладная наука имеет ряд несомненных преимуществ: она не расстраивается в бесконечных теоретико-методологических распрах, ее польза осязаема, видна невооруженным взглядом. Однако знание, производимое прикладными науками, может принципиально отличаться от знания фундаментальных наук. Прикладные науки в меньшей степени ориентируются на идеалы объективности (истинности), цельности, преемственности (Пружинин 2009: 205). Их зависимость от мотивов заказчика (который определяет цель и критерии завершенности исследования, претендует на знание как на интеллектуальную собственность), нацеленность на сиюминутный результат ведут к фрагментарности и потенциальной несоизмеримости фрагментов знания, превращению знания в свод технологических сведений (Там же: 203). В отрыве от взаимодействия с фундаментальной наукой, ее традицией философско-методологической рефлексии прикладная наука может легко деградировать в псевдонауку (вспомним лысенкоизм).

БФ и сопротивление: философский тупик?

Возможно, сегодня «дарвиновский фундаментализм» неубедителен, так как представляет собой замаскированный под материализм редуccionизм, взявший на себя непосильный груз. Можно упомянуть, что идея Р. Докинза о мемах как репликаторах культуры (предложенная в надежде распространить концепцию «эгоистичных генов» за пределы биологии) не оправдала ожиданий. Журнал *Journal of Memetics*, основанный в 1997 г. для освещения исследований в области меметики, прекратил свое существование в 2005 г. в связи с отсутствием идей (McGrath 2010: 347).

Однако развитие биологии человека происходит нарастающими темпами, и на смену Р. Докинзу и Д. Деннетту, возможно, придут теоретики с еще более категоричными выводами о роли эволюционной биологии в судьбе человечества.

История науки учит, что отрицание эволюционной природы человека приводит к парадоксам. В стремлении «обелить» человека, избавиться от его зловещей животной природы можно получить прямо противоположный результат, считает Мэтт Ридли. Концепция исключительной роли среды, воспитания, обучения (*nurturism*), доведенная до логического конца, открывает нам не менее мрачную картину культурно-информационной тотальности: получается, что человек с рождения пассивно воспринимает идеи, установки, идеологии, которые ввиду отсутствия жестких врожденных ментальных структур заполняют весь его мозг и создают очередного запрограммированного на то или иное поведение члена общества (Ridley 2011). На место тирании генов (гормонов, нейромедиаторов) ставится тирания идей и информации.

Чтобы избежать такой дегуманизирующей, лишаящей ответственности и достоинства перспективы, каждому отдельному человеку «оставлена» свобода принятия решений, эмоциональная и моральная автономия: социумная парадигма дополняется элементами либерального гуманизма.

По наблюдению Ю. Харари, «биологизаторы» также не отказывают человеку в свободе воли. Хотя в их научной картине мира, очерченной биологическим детерминизмом, эта свобода – откровенный *Deus ex machina*⁶. Там, где речь идет об этике, политике и праве, они предлагают читателям совершать экзистенциальный выбор, свободный от натуралистических подпорок. Природа возможности такого выбора неизвестна. «После титанических усилий по “деконструкции” Я и свободы воли они совершают головокружительный интеллектуальный кульбит, в результате чего они оказываются в XVIII веке, как будто все исследования эволюционной биологии и нейронаук не имели никакого отношения к этическим и политическим идеям Локка, Руссо и Томаса Джефферсона» (Харари 2018: 356).

---

⁶ Букв. «бог из машины» (лат.).

В общем, экстраполяция мировоззренческих предпочтений на естественно-научное теоретизирование в условиях нынешнего объема знаний о человеке заводит в философско-методологический тупик. Если нами управляют гены и гормоны – значит, мы их безвольные марионетки. Если нами не управляют гены и гормоны – мы зомби с промытыми культурой мозгами.

Очевидно, здесь мы сталкиваемся со случаем, когда рационализация природы действительно выходит за свой предел, и наука превращается в метафизику. И. Кант назвал такие коллизии антиномиями, когда невозможно сделать выбор между противоречащими высказываниями, так как и тезис, и антитезис являются ложными.

Трагическое и утопическое мировоззрения – это вариация спора Эпикура и Аристотеля (случайность или цель, хаос или гармония), которые как вечные вопросы философии не могут быть решены концептуально. Каждый новый исследователь вынужден принимать самостоятельное решение в вопросе о направленности порядка и развития (сверху или снизу). Либо отказаться отвечать на этот вопрос и оставаться в условиях философско-методологической неопределенности.

Неадекватность всех рационалистических альтернатив возвращает нас к вопросу о связи бытия и мышления, поднятому Парменидом. О том, что бытие не исчерпывается мышлением, не тождественно мышлению, несоизмеримо с мышлением, свидетельствовали апории Зенона, пифагорейское открытие несоизмеримости, кантианские антиномии чистого разума, теорема Гёделя о неполноте (Антаков 2012: 38).

Заключение: эволюция и экзистенция

Как сказал Ричард Александер, «эволюция детерминистична для тех, кто ее не понимает». Знание об эволюционной природе человека – инструмент не только для удовлетворения научного любопытства, но и для принятия практических решений. В том числе совершения действий, требующих морального выбора. Биотехнологическая революция в скором будущем поднимет в полный рост вопрос об эволюционной природе человека и потребует много раз сделать моральный выбор.

Эволюционная биология не подрывает концепцию экзистенциального выбора между добром и злом, так же как нейробиология не оправдывает преступления (кроме случаев невменяемости). Так же, как наука и практика не могут подменить человека в определении приоритетов и ценностных установок, не могут этого сделать ни гены, ни гормоны, ни нейромедиаторы. Соответственно, экзистенциальный выбор самого человека – растворить свою волю в натуралистических метафорах либо жить, мыслить и создавать технологии с оглядкой на достоинства и недостатки того «строительного материала», из которого сделана эволюционная природа человека.

В настоящей статье мы хотели показать, что социокультурная интеграция эволюционной биологии, расцениваемая под критическим углом как «протаскивание» биологического фундаментализма в культуру, – многоуровневое явление. Смысловые блоки борьбы с БФ разных эпох и контекстов имеют общие концептуальные черты, и, возможно, эта борьба проистекает не только из несогласия с притязаниями естествознания на «чужое» интеллектуальное пространство. Многими идеями и подходами естествознание нарушает гармонию утопического мировоззрения. А следование мировоззрению заключается в интуитивном доверии информации и идеям, не нарушающим философскую гармонию естественно-научной картины мира.

Знание об эволюционной природе человека углубляет понимание того, что упорядоченный внутренний мир человека складывается из материальных элементов, процессов и факторов, ранее предназначавшихся для других целей, а может быть, и вообще ни для чего не предназначавшихся – то есть явлений случайных и внешних по отношению к интересам человека (биологический редукционизм). Такое знание диссонирует с мыслительной привычкой рассматривать человека как целостное, контролируемое и гармоничное существо. А ведь такая привычка зачастую лежала в основе социально-политических проектов XX в., и непонимание природы человека привело к их краху.

Библиография

- Агацци Э. 1998.** *Моральное измерение науки и техники.* М.: ММФ.
- Антаков С. М. 2012.** Физика versus метафизика, знание versus вера: истоки конфликта в свете математики и нетождественности бытия и мышления. *Мир человека: Нижегородский философский альманах.* Вып. 4(7). *Человек и его культура: История продолжается...*, с. 22–51. Нижний Новгород: НИУ РАН-ХиГС.
- Бен-Дэвид Д. 2014.** *Роль ученого в обществе.* М.: Новое литературное обозрение.
- Буаие П. 2017.** *Объясняя религию: Природа религиозного мышления.* М.: Альпина нон-фикшн.
- Гулд С. Дж., Левонгин Р. Ч. 2014.** Пазухи свода собора Святого Марка и парадигма Панглосса: критика адапционистской программы. *Философия. Наука. Гуманитарное знание:* сб. ст. / Отв. ред. В. Г. Кузнецов, А. А. Печенкин, с. 160–191. М.
- Доккинз Р. 2010.** *Капеллан Дьявола: размышления о надежде, лжи, науке и любви.* М.: Corpus.
- Доккинз Р. 2013.** *Эгоистичный ген.* М.: АСТ: CORPUS.
- Колчинский Э. И. 1999.** *В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.).* СПб.: Дмитрий Буланин.
- Кузин И. А. 2016.** *Критика адапционизма в эволюционной биологии и ее значение для философии науки:* дис. ... канд. филос. наук. М.

- Марков А., Наймарк Е. 2019.** *Перспективы отбора. От зеленых пеночек и бессмысленного усложнения до голых землекопов и мутящего человечества.* М.: АСТ: CORPUS.
- Медведев Ж. А. 1993.** *Взлет и падение Лысенко.* М.: Книга.
- Пружинин Б. И. 2009.** *Ratio Serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии.* М.: РОССПЭН.
- Сапольски Р. 2019.** *Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки.* М.: Альпина нон-фикшн.
- Тейлор Дж. 2016.** *Здоровье по Дарвину: почему мы боеем и как это связано с эволюцией.* М.: Альпина Паблишер.
- Харари Н. Ю. 2018.** *Ното Deus: Краткая история будущего.* М.: Синдбад.
- Шаталкин А. И. 2016.** *Политические мифы о советских биологах: О. Б. Лепешинская, Г. М. Бошьян, конформисты, ламаркисты и другие.* М.: КМК.
- Эпштейн М. Н. 2013.** *Религия после атеизма. Новые возможности теологии.* М.: АСТ-Пресс.
- Dawkins R. 2010.** *The Greatest Show on Earth. The Evidence of Evolution.* London: Black Swan.
- Larson E. J. 2010.** Biology and the Emergence of the Anglo-American Eugenics Movement. *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins* / Ed. by D. Alexander, R. Numbers, pp. 165–191. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- McGrath A. E. 2010.** The Ideological Uses of Evolutionary Biology in Recent Atheist Apologetics. *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins* / Ed. by D. Alexander, R. Numbers, pp. 329–352. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Midgley M. 2002.** *Evolution as a Religion: Strange Hopes and Stranger Fears.* London; New York: Routledge Classics.
- Pinker S. 2003.** *The Blank State: The Modern Denial of Human Nature.* London: Penguin Books.
- Ridley M. 2011.** *Nature via Nurture. Genes, Experience and What Makes Us Human.* London: Fourth Estate.
- Ruse M. 2010.** Evolution and the Idea of Social Progress. *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins* / Ed. by D. Alexander, R. Numbers, pp. 247–275. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Weindling P. 2010.** Genetics, Eugenics, and the Holocaust. *Biology and Ideology from Descartes to Dawkins* / Ed. by D. Alexander, R. Numbers, pp. 192–214. Chicago; London: The University of Chicago Press.